

ДЙГАР
ВАСИЛЕВСКИЙ



Клуб
"Бабуе лето"

Айгар Василевский

Клуб «Бабье лето»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21201316
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Накануне Рождества в Париж из Москвы прилетает влюбленная пара средних лет – мужчина и женщина. Она – юрист в крупной фирме, он – скромный переводчик с французского. Вскоре мужчина начинает понимать, что у его яркой спутницы имеются во Франции какие-то иные планы помимо романтических. По мере продвижения к неявной цели им придется пережить немало испытаний. Но цель, вероятно, того стоит.

Содержание

ПАРИЖСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ	4
1. Ранний вылет	4
2. Адреса	16
3. Погоня	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Айгар Василевский

Клуб Бабье лето

ПАРИЖСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

1. Ранний вылет

Жена не вышла его провожать – он сам удержал ее в постели. Вернувшись на минуту в спальню из прихожей уже одетым, он поцеловал ее в щеку. Глухую декабрьскую ночь можно было уже считать ранним утром – было без четверти четыре. Обещанная диспетчершей таксопарка машина, старенькая «Ауди» ждала у подъезда. Он пару секунд изучал ее номер, вдыхая студеной воздух и ощущая во рту вкус кофе.

Когда они вылетели на пустое шоссе, ему дозвонилась Елена. Договорились, что он найдет ее в зале вылета у аптечного киоска. За окнами стелилась тревожная мгла. После краткого телефонного разговора вдруг пришла ясность: с этого момента ход его скромной авантюры уже необратим. Нужно было найти в себе радостное возбуждение по этому поводу. До Шереметьево было полчаса свободной дороги. Возбуждение было скорее лихорадочным. Он, Дмитрий Сагдеев, зрелый мужчина с 13-летним супружеским стажем,

сдержанный и осмотрительный, пожалуй, даже стеснительный, сыскал, наконец, на свою голову элегантно-приключенное. Приспело... Стеснен он был, впрочем, в средствах, но не в мечтах. И, кажется, не слишком дорожил покоем и заведенным ритмом этих последних лет. Дом – факультет – дом. По понедельникам, средам и пятницам платные курсы языка на Остоженке. И точно уж нелепым было то, что, выучив лет 15 назад французский, и обучая ему бодрых загорелых амазонок (мужички учить язык практически не шли), он ни разу не был во Франции. Единственная командировка пришла почему-то на Квебек. Пятничные занятия согласилась за него провести милейшая и занудливейшая Полина Самойловна. Во вторник он должен был взять на себя ее группы. Кажется, во вторник... Много ли мужчин его возраста могут себе позволить слетать с любовницей в Париж? Наверно, все же немало. Многим просто недосуг или нет достойных кандидатур или просто не тянет за рубежи. Слетать... Слово «вывезти» было бы тут неуместно, поскольку расходы было решено делить пополам. И что самое интересное и сладостное – инициатива была ее. Для полного соответствия пошлым образцам спутницей должна была бы стать бойкая 20-летняя нимфа. Но тут он вроде бы отклонялся от образцов, и слава Богу. С Еленой, почти ровесницей, он чувствовал себя уверенней. Дай Бог ничего дурного за эти четыре дня (все-то) не случиться.

– Дай Бог, – произнес он вслух и тут же слегка устыдился.

Потом стало спокойнее. Зал был полон чужих забот, шумов и запахов. У неработающего аптечного киоска он увидел Елену, стоящую спиной: зимние полусапожки, короткое серое итальянское пальто, светло-русый узел на затылке. Этот его болезненный интерес к деталям ее обновляющегося облика тоже был симптомом. Он уже на раз ловил себя на том, что может довольно долго изучать со стороны ее высокую стройную фигуру, ее светло русый узел волос (вариант – короткий хвост), любуясь и представляя ее совершенно незнакомой женщиной, незнакомой и недоступной.

Она повернулась бледным точеным профилем, и он заметил, что она в темных очках. Он покривился, но сразу вспомнил – это была вынужденная мера.

Из этого аэропорта Дмитрий уже не раз отправлялся в разные европейские города. Но впервые он летел с женщиной, не являвшейся его женой. О том, сколько раз и с кем была в Париже Елена он знал весьма примерно. Сколько-то там раз. Причём года четыре назад – с мужем. Для обновления ощущений следовало, наверно, теперь слетать с любовником. Во всяком случае, это была её идея, и о каких-то иных её резонах Сагдеев не размышлял.

Ощущение праздника понемногу просачивалось сквозь волнение. Оставались, правда, какие-то едва осязаемые сомнения. Именно в аэропорту он вдруг как-то уловил, почувял, что она ему что-то недоговаривает. Было уже около пяти утра – славное время, когда не спящее сознание зыбко, а мир

вокруг не очень реален. Он бывает особенно нереален в ожидании раннего вылета. Регулярный утренний рейс Москва – Париж был не шибко удобен: вылет намечался на 7.15.

– Мне, кстати, пришла вчера одна мысль, – сказал он во время прогулки по бутикам после регистрации, – давай на второй день съездим в Шартр. Это совсем недалеко от Парижа – час туда, час обратно. Я думаю из этих четырех дней обязательно нужно куда-нибудь съездить...

– Думаю, в Шартр мы не успеем, – ответила она быстро и слегка рассеянно, – у нас немного другой план.... Просто не успеем.

Он немного удивился, но она сразу же направилась к витрине с солнцезащитными очками и потянула Сагдеева за собой. В модных тёмных очках и впрямь было некоторая нужда, связанная вовсе не с сезоном. Над Европой плыл не май, а совсем напротив – декабрь, и сияло огнями близкое Рождество. Но за три дня до поездки, в предвкушении Парижа Елена сделала – из самых благих побуждений – обычную косметическую маску для лица. И, как водится в таких случаях, не угадала. Наверно, в состав маски вкрался аллерген: кожа на скулах и вокруг глаз покраснела и отекала. Дособи-ралась. Маленькая трагедия, заслуживающая тихого сочувствия. Елена пересиживала ее дома. Отёки вокруг зелёных глаз уходили медленно. В целом же, создавалось впечатление, будто изящной, дорого одетой даме изрядно досталось от ревнивого мужчины – и, вероятно, поделом. Это обстоя-

тельство всячески вышучивалось, но, в общем, Елена очень стыдилась. И укрывала сузившиеся глаза за тёмными стёклами, форма которых, оказывается, вышла из моды этой весной.

— ... А эти? — она резко повернула к нему лицо, украшенное новыми очками в широкой оправе.

Сагдеев pokrивился. Нового стиля он не понимал.

— Ладно, — она вернула очки сияющей витрине, — в Париже куплю.

За гигантским толстым стеклом таяла декабрьская ночь, серебрились тела «Боингов». Сагдеев снова пытался отыскать в себе праздничное чувство — радость предвкушения. Радость обнаруживалась, но, как и во всякой радости, кажущейся слегка ворованной, в ней был чересчур осязаемым прикус тревоги.

Между прочим, если бы он выбирал сам, то наверно предпочел бы другой город. Скажем, Прагу. Стремление в Париж чаще всего скрывало и выражало некую невыраженную амбицию или уступку ритуалу. Все в Париж, и мы. И слишком много было уже читано (не без натуги) французских текстов, детально и обстоятельно живописующих столичную топонимику и быт. Как, где и куда лучше. Он, вроде как, уже и побывал. Нет, правда, он бы позвал ее в Прагу или в Венецию, если уж на то пошло, да... Но позвала она. И более рассуждать тут было не о чем.

Выходило так, что он всегда покидал Россию весной или

летом, перелетая всякий раз в более тёплый или более жаркий мир. Теперь, на третьем часу полёта, когда они пошли на снижение, открывшаяся в сизой дымке серая холодная равнина напомнила, что они вовсе не улетели от зимы. Она лишь утратила привычную белизну.

В трёхвагонном подземном поезде, курсирующем между терминалами аэропорта Шарль де Голль, он вспомнил её ответ и решил все же внести ясность:

– Так как насчёт планов-то? Может, махнём всё же в Шартр? Там роскошный собор. Там, знаешь, проходили коронации...

Елена пристраивала на сиденье свою клетчатую сумку и взглянула искоса.

– Давай уж доедем, разместимся и тогда обсудим.

Через подмёрзшие, поседевшие парижские предместья электричка привезла их на Северный вокзал. Судя по карте, отсюда было совсем недалеко до маленькой гостиницы, притаившейся на ру Бержере.

– Может, пешком дойдём? – предложила Елена, когда они поднимались из недр вокзала, – у нас шмоток-то всего ничего.

Наверху и на свету декабрьское утро, наконец, расцвело по-парижски. Город оказался светел и наряден. Понаблюдав пару минут цветистую карусель автомобилей и автобусов, они двинулись, следуя карте, по ру Лафайет – средней ширины улице, каждые 50 метров предлагавшей кафе разных

форматов. На пересечении улицы с площадью Ференца Листа Елена замедлила шаг и высказала пожелание заглянуть в кафе, интерьер которого составляла мебель, будто извлечённая из недр очень старой пыльной квартиры. В изношенности и потёртости спинки стульев с гнутыми ножками можно было угадать стилизацию, но, во всяком случае, искусную. У входа в заведение на крохотном прилавке румяный парень раскладывал овощи и мороженые устрицы. Половина столиков была занята. Явление Елены – высокой, светло-волосой, помахивающей саквояжиком и весело поглядывающей припухшими глазами по сторонам – вызвало сдержанный интерес. В её повадке было что-то отважное и легкомысленное. Французские мужчины отзывчивы на женскую красоту, и способны, как известно, высоко ценить ее июльский расцвет, начинающийся после 30-ти. Сагдеев с чемоданом на колёсах и сумкой пёрся сзади. Им нашлось место в углу у окна – как и хотелось.

Бледно-лиловые стены, имитирующие рисунок старых обоев, были украшены выцветшими фотографиями бородатых мужчин в сюртуках и бледных красавиц с высокими причёсками. На овальном портрете над головой Сагдеева белая девочка держала на поводке белого же пушистого шпица.

– Хочу есть! А ты? – Елена уже вертела в пальцах глянцевою книжицу меню, – после еды мне сильнее захочется спать – это будет логично. А сейчас я – ни в одном глазу, потому что в эйфории.... А ты? Смотри, они тарашатся, и зна-

ешь, что думают? Вот побил бабу, а потом чтобы загладить вину, вывез в Париж!

Она рассмеялась. Сагдеев, ухмыляясь, не поднял глаз от меня. Вполне возможно именно так и думали.

Они заказали по салату и по омлету. Заказ делал Сагдеев, желая, видимо показать Елене живость и лёгкость своего французского. Но Елена знала и так, а кряжистый темнолицый официант недопонял и переспрашивал. Потом Елена обнаружила в винной карте «кир» – смесь белого вина с черносмородиновым ликёром.

Как ведут себя, о чём болтают влюблённые, переживающие первые часы романтической вылазки в старый европейский город? Радуются пустякам? Обращают внимание друг друга на симпатичные мелочи? Эти именно часы часто и оказываются самыми безмятежными и сладкими для двоих, но и тут значение будет иметь их возраст, точнее переживаемая ими пора, и ещё степень их свободы. Свобода Дмитрия Сагдеева была мягко ограничена возможностью телефонного звонка жены, для которой он отбыл на очередной лингвистический семинар (последний был в Квебеке). Елена, за месяц до поездки беззвучно отметившая годовщину развода, тоже могла ожидать звонка – но разве что от няни, оставшейся с 6-летней дочерью.

Наевшийся Сагдеев обнаружил совершенно особую прелесть в маленькой площади за окном, в кофейной стене старого дома на её противоположной стороне, в изящной вя-

зи балконных оград, в пестроте круглых дорожных знаков. Одновременно он вспомнил о непрояснённых планах на два ближайших дня, и хотел уже вернуться к теме, но тут Елена, отставив чашку с кофе и облизнувшись, произнесла:

– Знаешь, я хотела рассказать тебе об одном деле, которое мне хотелось бы сделать за эти четыре дня – независимо от наших планов на отдых. То есть, я думаю, одно другому не повредит.

– Ну-ну, – сказал Сагдеев, внутренне подобравшись.

Елена сделала быстрый глубокий вздох.

– Месяц назад здесь, в Париже у меня умерла очень близкая подруга. Очень близкая. Дениз очень много для меня сделала. Сейчас я об этом не буду, но суть такова, что она оставила для меня письмо и... кое-какие документы. Это очень важное письмо. Она оставила его одному человеку, с которым я хотела бы встретиться в эти дни. У меня есть его парижский адрес, но он... он может оказаться не в Париже, и тогда нам нужно будет съездить к нему. Вот.

– К нему – это куда? – уточнил Сагдеев.

– В Довиль, это к морю, на север. Всего-то полтора часа на поезде. Или в Антиб, это на Лазурном берегу. Это тоже час. Только на самолёте.... Пожалуйста, не смотри на меня так, я всё оплачу.

– Ничего себе концы! Но дело не в этом. А что, нельзя было с ним договориться, чтобы мы с ним встретились в Париже? Или просто подгадать день, когда он будет тут?

– Насколько я знаю, он не очень может управлять своим графиком, – Елена взяла с подставки зубочистку, счистила с неё бумажную обёртку и принялась грызть кончик, – у него такая работа, он то там, то здесь.... Хотя обычно он в Довиле.... Но может оказаться в Париже.

– Позвонить-то ему можно?

– Можно.... Но у него всё время телефон отключён, я пробовала. И ещё. Он по-английски не говорит. Только по-французски.

Сагдеев тоже допил свой кофе и бросил взгляд за окно. У прилавка с морожеными устрицами гомонила небольшая толпа школьников, одетых в разноцветные куртки.

– Лен, о чём речь. Раз нужно, значит встретимся. И поедем, куда надо. Если хочешь, я с ним поговорю по-французски.

Она заметно обрадовалась.

– Спасибо. Знаешь, может быть, сегодня вечером попробуем ему позвонить. Ну, если у него будет отключено, то позвоним в то место, где он работает, да?

– Конечно.... Это очень важное письмо для тебя? То есть там какая-то очень важная информация?

– Это... завешание. Если не по форме, то по сути. Назовем это так, – она посмотрела немного исподлобья.

– Хорошо. Ты меня прямо интригуешь... – Сагдеев слегка пожал плечами, – я всё понимаю,... то есть... ну, не важно...

– Ты, в общем, прав. Я тебя интригую – она бросила сло-

манную зубочистку в пепельницу, – позвоним ему сегодня, хорошо?

Когда, в поисках ждущей их маленькой гостиницы, они углубились в переулок, Елене пришел звонок на мобильный. Она бодро подтвердила кому-то, какой-то неведомой подружке, что они в Париже, только что с вокзала, да. Внимавший разговору Сагдеев волок за ручку чемодан, стукавшийся колёсами о выбоины в панели. Он был вовсе не против того, чтобы сгонять в Нормандию. Ему просто казалось несколько странным, что столь важное письмо было вверено столь невразумительному и не очень доступному персонажу – то ли он в Париже, то ли в Антибе, то ли в Довиле... По его представлениям письма завещательного характера, особенно во Франции, сдаются на хранение нотариусу, или какому-то нотариусоподобному лицу, которое совершенно доступно, и в надлежащий срок, оповестив всех упомянутых в письме наследников цепляет на нос очки в дорогой оправе и... и так далее.

– Слушай, – он покосился на Елену, – а этот человек, ну, у которого письмо, он – родственник, что ли твоей подружки?

Елена едва заметно свела брови, и после паузы ответила:

– Да. В некотором смысле.

– Муж?

– Нет.

– А кто?

– Ну, предположим, сын, – она взглянула пасмурно.

У здания гостиницы, выстроенного в стиле модерн и спрятанного в ущелье улицы Бержере, они стояли несколько секунд, будто в преддверье сказки. На самом деле Сагдеев искал номер дома, сверяясь с адресом и картой. В маленьком номере в окно, как и положено, заглядывал с любопытством соседний дом – противоположная отвесная стена ущелья с вычурной мансардой. Тщательно задвинув шторы, Елена быстро разделась, и отправилась в душ. Скоро она позвала оттуда – полюбоваться на лепнину под потолком, сохранившуюся, наверно, с эпохи модерн. Сагдеев тоже разделся и пошёл смотреть на лепнину.

Было забавно в совершенно новой обстановке подтвердить старое наблюдение: её спина, плечи, руки светились тугой зимней белизной, на фоне которой его кожа казалась смугловатой. Он поцеловал её в сгиб локтя, а потом они поцеловались в первый раз с момента прилёта. Воронка душа – голова серебристой змеи слабо сочилась и путалась под ногами. Елена очень боялась намочить волосы.

2. Адреса

Первую половину первого дня в городе Париже двум еще не уставшим друг от друга мужчине и женщине вполне уместно провести в постели. После полудня они уснули, но сон у обоих оказался неглубок и тревожен. Когда Сагдеев окончательно проснулся и сел, устроив под спиной подушку, шел четвертый час дня, а Елена, сидя на краю ложа перед зеркалом, красилась. Она обернулась, улыбнулась мягкой улыбкой и произнесла первые слова:

– Попробуем позвонить в Довиль?

Имя человека звучало на вкус Сагдеева красиво, но манерно как артистический псевдоним: Винсент Жиллен. Французы произносят «вен-сан». Его сотовый был по-прежнему выключен, и Сагдеев дозвонился в Довиль в заведение, номер которого получил от Елены. Она сидела тут же, на краю ложа, растерзанного еще во время дневных порывистых ёрзаний, предшествовавших засыпанию. Пока Сагдеев набирал номер и ждал, она напряжённо вслушивалась, покусывая нижнюю губу. Номер отозвался бархатистым женским голосом, пролепетавшим приветствие и, вероятно, название заведения, которое для русского уха звучало полосканием горла. Сагдеев ответно поздоровался и сформулировал просьбу. После паузы женский голос предположил, что в клубе мсье Жиллена нет, и ему лучше, наверно, позвонить

на сотовый. Когда Сагдеев пояснил, что телефон отключен, его собеседница, казалось, хмыкнула и сказала:

– Ну, он может быть, дома, у себя. Но адрес я сказать не могу... Он может мне звонить. Хотите, я передам ему, где вы находитесь и как с вами связаться?

Сагдеев покосился на насупленную Елену и быстрым шёпотом транслировал предложение. Она кивнула.

– Записывайте, – сказал Сагдеев.

– Я знаю его адрес в Довиле, – сказала Елена, когда он закруглил разговор, – давай съездим прямо завтра – с утра?

– Подожди, а Париж? Давай лучше отложим Довиль до послезавтра. Мы же хотели завтра погулять по городу. Дойти до Монмартра. Отсюда удобно...

– Погуляем сегодня, прямо сейчас, – сказала она резковато, – у нас целый вечер. Да и завтра, когда вернемся... До Довиля всего-то часа два на электричке.

Когда Сагдеев пожал плечами, она сказала с нажимом:

– Если не хочешь, я поеду одна. Погуляешь тут завтра один... Ну, так как – ты собираешься?

– Собираюсь, – Сагдеев вздохнул, – у этого клуба забавное название... Conte d'Automne... Осенняя сказка. Я бы еще перевел как «Золотая осень».

Елена шла уверенно и не особо таращилась по сторонам – играла роль ведущей. Намеченный ею маршрут был логичен, но в конце все же подразумевал некий излюбленный магазин на улице Риволи, у самой Сены.

В предвкушении Рождества вечерний Париж сиял. Каждая вторая лавчонка находила на панели место для портативной ели в гирляндах и глянцевых лентах, в каждой третьей ярко освещённой витрине Мария баюкала в колыбели Сына. У входов в крупные магазины Санта-Клаусы, различающиеся комплекциями и бородами, суетились и лезли на глаза, навязывая листовки и буклеты. Две последние недели адвента – лучшая пора для визитов в Париж: на это Сагдееву указывал ещё его первый преподаватель языка – помятый русской судьбой старый франкофил Борис Наумыч.

– Приятный запах тут везде в воздухе, – подметил Сагдеев, – вроде как дымок от костра.

– Это от жженого угля, – сказала Елена рассеянно, – тут много каминов...

Улица Риволи – сановная, прямая и строгая струилась поблизости. Дальше, параллельно ей шла уже дворцовая набережная. На Риволи Сагдеев с недоумением косился на хмурю, глухую стену какого-то здания, лишённую окон и балконов, и смахивающую на заднюю стенку древнего комода.

– Кстати, это Лувр, – сказала Елена, взглянув мельком, – просто вид сзади. Забавно, да?

На ее губах играла полуулыбка, но Сагдеев каким-то образом улавливал ее скрытое необъяснимое напряжение. Он не смог бы объяснить, чем он это чуял: может, боковым зрением, может нюхом, а может, простатой.

Бодрые бродяги в красно-белых колпачках Санта грели

зады, сидя у стен на вентиляционных решётках. На Риволи у самого входа в намеченный Еленой магазин угнездилось целое семейство клошаров – мсье с бутылкой дешёвого вина, мадам с опухшей мордой и отрок с сигаретой. Все трое копошились под грязным одеялом. Сагдеев зазевался, разглядывая выводок, и отрок обстрелял россиянина пробкой от бутылки. Россиянин пожелал пнуть зверёныша или его скалящуюся мамашу, но Елена уволокла обиженного в магазин. У витрины с солнцезащитными очками она застыла, склонив голову набок – будто перед импрессионистским шедевром, который требовалось постичь. Сагдеев сообразил, что это надолго и ушёл вбок – к галстукам. Там он тоже не задержался и, оглядываясь, вышел из магазина на улицу. Под взглядами семейки клошаров он торопливо набрал номер мобильного телефона жены Инны. Он желал её опередить. В сущности, ничего страшного не произошло бы, если б она позвонила первой – узнать, как устроился. Но он опасался, что её звонок поступит, ну, вовсе некстати – в неловкий или пикантный момент. Лучше было первому.

На сей раз новые тёмные очки были выбраны довольно быстро. Сагдеев, правда, опять не одобрил, но его вкусы были объявлены устаревшими.

Следующее декабрьское утро покрыло легкой изморозью и выбелило чистые тротуары, отчего город лишь посвежел. До вокзала Сен-Лазар оказалось всего-то 15 минут ходьбы, и Сагдеев, бодро шагая, думал о том, что расположение оте-

ля, выбранного Еленой, весьма соответствовало заранее поставленной задаче.

С усмешкой он вспоминал и о том, что все утренние процедуры происходили в сверхускоренном темпе, включая сеанс ласк, потребных на новом месте спросонья и спозаранку. Собственно и в ласках она, не проявив обычных настойчивости и методизма, почти сразу же пожелала увидеть своего любовника на верху блаженства. Сагдеев колебался и возражал, желая потянуть удовольствие и приученный быть вечно вторым. Тогда обнаженная Елена, выскользнув из объятий, быстро улеглась поперек лежа на живот и, шлепнув себя по молочным ягодицам, приказала завершать сеанс. Она знала, что некоторые ракурсы особенно эффектны. Примерно в такой же спешке протекал и завтрак.

В вагоне поезда, идущего в 11 часов на Довиль, вместе с ними оказалось не больше пяти человек. Этим зимним утром никто особенно не стремился из Парижа к морю.

За два без малого часа пути они обменялись, может быть, парой фраз: Елена пожаловалась на ломоту в висках, а Сагдеев обнаружил в соседнем вагоне туалет, и этим наблюдением поделился. Он угадывал скрытое напряжение в ее молчании и не хотел нарываться на резкий ответ. Периоды вкрадчивой покладистости легко сменялись у нее раздражительностью. Он привык. Он сознавал, что накопив за полгода общений некоторый запас знаний о ее замашках, не выявил, не разнюхал чего-то главного в ее характере, в складе ума. О многом

он лишь догадывался. Он представлял, что ей где-то около 32, допуская, что он старше ее примерно на семь лет. Он, вообще-то не так много знал о ее текущей жизни, хотя вроде бы выслушивал регулярно ее ироничные отчеты о прогулках по зоопарку с дочерью, о ссорах с няней, о самодурстве боссов ее знаменитой компании с названием, состоящим из двух английских фамилий. Все вроде бы было ясно и безмятежно и, в то же время, все оставалось словно в легкой дымке. Она как-то очень умело недоговаривала и опускала важные детали. А если он пытался в детали лезть и уточнять, она поначалу отшучивалась, но в конце-концов раздражалась. Она высоко ценила и отстаивала свою независимость, свое право не договаривать и не давать никаких отчетов. Священные права нормальной любовницы – недоступные для нормальной жены. Забавно: Сагдеев считал заслуживающим снисходительной усмешки старый трюизм о ценности женской загадочности, лелеемой и консервируемой опытными оболстительницами. О, эта женская загадочность! Суть-то дела состоит в том, что очень многие второсортные тайны вовсе и не хочется разгадывать. Однако, в его собственном случае он мог усмехаться лишь над самим собой. Выходило так, что в душе и в характере женщины, в которую он был влюблен, он разбирался столь же плохо, как, скажем, в характере ее мудреной работы, связанной с аудиторскими проверками одной известной фирмой других не менее известных. Эта работа, кстати, давала ей еще и независимость другого рода – фи-

нансовую. Она и впрямь могла бы махнуть и во Францию, и в курортный городок Довиль одна.

На вокзальчике их встретил запах близкого моря. Море не показывалось, но пульсировало, дышало из-за острых гребней крыш. Город был чистеньким, пряничным, и почему-то напоминал Сагдееву сказки Андерсена. Может, потому что в этот день над ним висело серое, сырое, вполне датское небо. Среди пряничных домов, взбиравшихся на холм, они блуждали около двух часов. Улица, на которой находилась гостиница, приютившая Венсана Жиллена, не относилась, судя по всему, к числу главных: ни один из прохожих не мог ее вспомнить. Наконец, они решились перейти из Довиля в Трувиль – пересечь мост через канал. Слева осталась бухта, целившаяся в низкое небо сотней мачт. У первого же переулка, выходящего вдоль окраины, оказалось название, которое они искали. Светло-зеленый, легкий двухэтажный дом вмещал гостиницу явно экономического класса. Дом, судя по архитектуре, по замурванным стенам и другим признакам, был выстроен еще до начала последней большой европейской войны.

– Венсан Жиллен? – переспросила седая изящная французская бабушка в поношенном брючном костюме, служащим чем-то вроде рабочего комбинезона, – о, да! Он останавливается у нас! О, да! Он уехал сегодня рано утром! О, не знаю. Может быть, в Париж? Может, мсье и мадам выпьют по чашке кофе?

Кроме кофе мсье заказал еще по бокалу белого вина и по салату. Он полагал, что заслужил еду. Он оглядывал низкие своды, выцветшие рекламные плакаты, имитирующие стиль 20-х годов, и ощущал тихое странное довольство. Пахло старой мебелью, свежей рыбой с кухни, сыростью, крепким хорошим кофе. В соседнем зале седой усатый муж хозяйки резался в карты с румяными седыми приятелями.

– Тут классно, – высказался Сагдеев, – настоящая Франция, и слава Богу, что не сезон.

Елена кривовато улыбнулась.

– Попроси ее разрешить нам позвонить – в эту «Золотую осень»... Может, они знают, куда он уехал?

– Ок, – сказал Сагдеев, – ща допью и спрошу. Добрая бабулька.

Знакомый журчащий голос с интонацией автоответчика сообщил об отсутствии мсье Жилена, посоветовав позвонить ему на сотовый или домой.

– Вы не поняли, – сказал Сагдеев отчетливо, – я был у него дома, его нет. Не подскажите, куда он мог уехать?

Автоответчик на мгновение запнулся:

– Я думаю... он мог уехать в Париж.

– В Париж? – механически переспросил Сагдеев. После секундного размышления ещё попытался уточнить, где мсье Жилен может проводить время в Париже, но получил уклончивый и почти насмешливый ответ. Сидящая рядом Елена в это время раздраженно теребила его за плечо.

– Не нужно было спрашивать, – сказала она, – это не очень деликатно. И потом у меня есть адрес, по которому он может жить в Париже.... Вот – Пиранделло, дом 11. Это недалеко от центра. Ну ладно. У нас поезд уже через полчаса, в Париже будем около восьми. В отель зайдем, переоденемся и съездим... Ок?

На обратном пути в совершенно пустом вагоне они, сидя у окна, целовались. Инициативу проявлял Сагдеев, но Елена с неожиданной пылкостью отвечала. Она будто вернула себе московское настроение. С учетом их временной автономии, Сагдеев даже подумывал о чем-то большем, но тут Елене на мобильный дозвонилась няня. У маленькой Сони расстроился желудок, и ей нужно было посоветоваться. Советовались долго, потом мать говорила с плачущей дочерью, а вскоре поезд начал сбавлять ход, приближаясь к первой после Довиля станции – маленькому островерхому городку с длинным сложно-составным названием. Момент был упущен.

В начале девятого они уже пили кофе в баре своего отеля. На город упал фиолетовый вечер. Сагдеев, все еще настроенный романтически, предлагал никуда не спешить. Елена была вкрадчива, но неумолима.

– Давай сейчас найдем по карте эту улицу. Мы вполне сегодня успеем.

– Что, прямо сегодня будем искать этот адрес? – Сагдеев не то чтоб был вовсе не настроен блуждать по вечернему

Парижу, отнюдь – но он вдруг впервые почувствовал некую второстепенность своей роли в данной операции.

Елена, возможно, почувствовала то, что почувствовал он.

– Мы просто прогуляемся по городу, – мягко предложила она, – посидим где-нибудь.... А там, может, заглянем по этому адресу. Я же говорю – это всё как бы по пути.

После получасовой возни с картой Парижа они, наконец, собрались, и снова вышли на вечернюю улицу. Было решено проделать половину пути – до Латинского квартала – пешком. Это следовало рассматривать как уступку романтически настроенному Сагдееву.

На мосту через Сену они поневоле замедлили шаг и остановились, поскольку потребовал к себе внимания расцвеченный огнями город. Слева, за изгибом реки, высоко под крышами переливался и искрил кончик знаменитой башни. Елена, постукивая ладонью в перчатке по гранитному парапету, посмотрела немного искоса:

– Хочешь, зайдём куда-нибудь, посидим?

– Давай уж сначала заедем по твоему адресу, – допустил великодушный Сагдеев. Он ещё раньше уловил её скрытое нетерпение.

По бульвару Сен-Мишель, перпендикулярно отходящему от набережной, они дошли до станции метро «Клуни ля Сорбон». Оставшуюся часть незнакомого пути проделали под землёй, и вышли на станции под названием «Ле Гобелин». Тут Сагдеев снова сверялся с картой, крутил головой, огля-

дывая нарядные дома, а Елена заглядывала ему через плечо. Нужный дом – старый семиэтажный, нашёлся на пересечении улицы Пиранделло с улицей Жанны д'Арк. От соседних домов он, пожалуй, отличался более обшарпанным фасадом. Освещённые окна образовывали фигуру подобную кресту с двумя выступами. Напротив, через улицу глухим рокотом и трёхцветной пульсирующей надписью уведомлял о себе бар по имени «Жерар». Елена стояла, запрокинув бледное лицо, заморожено всматриваясь в светящийся крест.

Они приблизились к входной двери, рядом с которой на стене блистала пластина домофона с номерами квартир. Судя по номерам, квартир было всего 9, и следовало предположить, что это были довольно просторные жилища. Чёрная дверь, впрочем, выглядела, как и фасад дома обшарпанной, а сбоку на пластине домофона фломастером было начертано короткое энергичное французское слово.

– Ну? – Сагдеев посмотрел на Елену.

Она вгляделась и нерешительно указала пальцем на кнопку под номером 5. Сагдеев нажал. После паузы лунка с микрофоном отозвалась сильно искажённым женским голосом. Сагдеев, приблизив лицо к лунке, сообщил, что они хотели бы видеть мсье Винсента Жиллена. Снова зависла и потянулась пауза. Мельком бросив взгляд на Елену, он с удивлением отметил, что её бьёт дрожь. Он взял её за плечо, но не успел ничего сказать, потому что женский голос из домофона уведомил, что Винсента нет.

– Мы хотели бы оставить для него информацию, – тут же среагировал Сагдеев, предположив, что исчерпание разговора двумя репликами не адекватно проделанному пути и волнению Елены.

Жительница квартиры № 5 размышляла около минуты. Она отозвалась, когда Сагдеев хотел уже было снова жать кнопку.

– Входите, поднимайтесь на четвёртый этаж.

Каменная лестница казалась очень старой, но, по крайней мере, не источала запахов мочи – ни кошачьей, ни человеческой. На площадке 4-го этажа их ожидала грузная, но осанистая темнокожая женщина в домашнем халате и с сигаретой в пальцах. Дверь квартиры за её спиной была полуоткрыта.

– Что вы хотели оставить для Венсана? – спросила мулатка чуть сиплым голосом.

– Мы в Париже будем всего 4 дня, и нам нужно успеть с ним встретиться, – начал Сагдеев, – видите ли, мсье Жиллен должен...

– Скажи ей, – неожиданно перебила его Елена, – скажи ей, что у нас есть для Винсента очень выгодный заказ, очень выгодный! Только это скажи.

Сагдеев недоуменно перевёл взгляд с Елены на темнокожую толстуху. Та ждала, неторопливо затягиваясь. Сагдеев, слегка запинаясь, перевёл.

– Очень выгодная работа, – добавила Елена, волнуясь.

– Да сказал я, – Сагдеев посмотрел на неё раздраженно.

Заслышав русскую речь, мулатка хмуро осведомилась у Елены:

– Ты из Венгрии что ли?

Елена не поняла вопрос, но толстуха вдруг ухмыльнулась.

– Ладно, – сказала она, – хотите оставить свой телефон? Сейчас я возьму блокнот.

Она скрылась за дверью в квартире, откуда вдруг пахнуло чем-то пряным, но сразу явилась вновь с захватанной записной книжкой. Вопреки комплекции, в её походке заключалась своеобразная грация. Сагдеев, косясь на Елену, продиктовал название отеля и номер телефона.

Проследив за тем как хозяйка квартиры выводит корявые цифры, он вполголоса осведомился:

– А сейчас-то он где? Как его вообще выловить?

– Тебе он дико нужен? – снова ухмыльнулась мулатка, хлопывая книжку – я не знаю точно. Скорее всего, он поехал к Роберу.

– А это куда?

Она пожала плечами.

– В Сен-Дени.

– Можете дать адрес?

– Вы что, туда сейчас попрётесь? – она смотрела, прищурясь.

– Посмотрим, – пробормотал Сагдеев, – Ну, точный-то адрес дадите?

В этот момент Елена, подозрительно и чутко ловившая

французские слова, схватила его за руку.

– Где он? Что она говорит?

Толстуха снова внимательно на неё посмотрела.

– Ну, ладно, – сказала она, – запиши.... Только всё равно ты там ни черта не найдёшь.

Последнюю фразу Сагдеев переводить не стал, но десятью минутами позже, когда они оказались в греческом ресторане у перекрёстка, заметил:

– Действительно, не поедем же мы туда сейчас?

Елена молчала, пристально всматриваясь в безыскусное настенное панно, изображавшее лазоревую бухту, греческие дома под кипарисами по берегам и непропорционально крупный парусник на рейде, сидящий на голубой глади подобно гигантской белой бабочке. Было покойно и уютно. И никакой необходимости насыщать вечер событиями не ощущалось. Елена выглядела не печальной, но скорее сосредоточенной. После нескольких минут молчания Сагдеев спросил:

– А что это за заказ? Ты, какую это работу ему сулила?

Она отмахнулась с некоторой досадой.

– Просто для отвода глаз. Не объяснять же этой вульгарной дуре, что к чему. То, что Винсент Жилен должен мне передать, касается только нас – его и меня... и Дениз.... Это была её последняя воля, если хочешь.

– То, что она хотела тебе сообщить, настолько для тебя важно?

– Настолько! – она сжала губы, и глаза её расширились.

Кудрявый официант поставил на столик два бокала вина и внимательно посмотрел на Елену.

– А всё же кем он работает? – полюбопытствовал Сагдеев.

Елена пожала плечами, помедлила.

– Дениз, как-то упоминала.... Ну, он женский стилист, насколько я знаю. Ну, парикмахер. И у него, кажется, были проблемы с работой.

– Женский стилист – это звучит многообещающе!

– Ты считаешь? – она взглянула как-то тускло.

– Я слышал, большинство из них – гомосексуалисты.

– Наверное, всё же не все, – она снова посмотрела на него в упор, – так, может, попробуем съездить? У нас всего четыре дня, а тут минут 20 на такси... Кстати. Ты уже звонил жене?

– Тебе это так важно? Ну, звонил.

– Ну, и хорошо, – она подняла бокал с красным вином, – давай. За демократизацию личной жизни.

3. Погоня

В машине он ещё раз изучил листок из блокнота с адресом, который раньше долго и хмуро рассматривал таксист. Минут 20 они уже были в пути, но примерно половину времени провели в вязких пробках. Возникало впечатление, будто полгорода к вечеру перемещается из вечного праздника в сонные предместья. В сизом полумраке салона лунно белело лицо Елены. Когда она отворачивалась к окну, обращаясь к нему профилем, становилось заметно, что кончик носа у неё слегка вздёрнут. Эта деталь почему-то всегда умиляла Сагдеева, как наверно и очень многих мужчин, предпочитающих курносых героинь романов.

Он привлёк её к себе, поцеловал за ухом и в шею. Потом шёпотом сообщил:

– Сен-Дени, вообще, так себе райончик. Вроде как наши Люберцы. Даже хуже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.